

Ишин А.В.

УДК 94(477.75)“1917/1921”

**ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА
В КРЫМУ**

Введение. Текущий 2012 год отмечен многими юбилейными датами. Два таких юбилея – 95-летие Февральской и Октябрьской революций имеют не просто знаковый, но и глубоко трагичный характер.

Начавшись с кровавых уличных беспорядков, спровоцированных продовольственным кризисом, Февраль 1917-го привел к вынужденному отречению от власти Императора Николая II в ночь на 3 (16) марта, к образованию Временного правительства, советов, гибельному для империи дроблению и фрагментации государственного аппарата.

По справедливому замечанию авторов фундаментальной работы «История России с древнейших времен до начала XXI века», «за восемь месяцев существования Временного правительства положение в стране усугубилось во всех отношениях. Материальное положение всех групп населения ухудшалось с небывалой быстротой» [1].

Спустя весьма короткий, после февральских событий, промежуток времени государственная машина, парализованная волонтаристскими реформами, оказалась не в состоянии противостоять приходу к власти воинствующего большевизма во главе с Лениным, Троцким, Свердловым и другими вождами, приступившими к реализации давней стратегии по превращению «войны империалистической в войну гражданскую» и развязавшими по всей стране беспрецедентный массовый террор.

В настоящей статье, опираясь на обширный круг неизвестных архивных и опубликованных источников, мы предлагаем к осмыслению недостаточно изученные в историографии хозяйственные аспекты военно-коммунистической политики, реализуемой руководством РКП (б) в «послеврангелевском Крыму», который наряду с другими уголками рухнувшей империи, рассматривался как плацдарм для «мировой революции».

Изложение основного материала. После эвакуации вооруженных сил генерала Врангеля (ноябрь 1920 года) в сельском хозяйстве полуострова сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Накануне революции здесь было 20 % безлошадных крестьянских хозяйств, половина крестьянских дворов не имела инвентаря и собственных посевов. В годы Гражданской войны большинство хозяйств разорилось, многие земли были брошены [2]. Посевные площади сократились с 665 тысяч десятин в 1913 году до 548 тысяч десятин в 1920 [3].

Следует отметить также фактор определенной изолированности Крыма от материковой части РСФСР, которая имела место еще в период ширококомасштабных боевых действий и в силу целого ряда причин не могла быть длительное время преодолена [4]. Очень тяжело сказалось на положении полуострова административное выделение из его состава Мелитопольского, Днепровского, Бердянского уездов. Эти уезды служили главной земледельческой базой, в то время, как на крымской территории преобладало овцеводство и садоводство. Немаловажным обстоятельством является то, что до Гражданской войны сельское хозяйство и промышленность Крыма работали главным образом на производство товарной продукции (табак, вино и т.п.). Население в основном питалось мукой, привозимой из северных районов, и разрушение экономических связей с ними, естественно, самым тяжелым образом сказалось на положении полуострова [5].

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42 % посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины [6]. Уже в августе здесь начинается страшный голод [7], продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней [8], что составляло примерно 15 % населения Крыма на 1921 год. По причине этого бедствия 60,1 % крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8 % без посева и 29,2 % смогли засеять в 1922 году только по одной десятине [9]. Обстановку усложнило нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года [10]. Пик голода пришелся на март 1922 года, когда голодало 379 тысяч человек [11]. Бедствию сопутствовали невиданный размах уголовного бандитизма, эпидемия тифа [12]. Русский философ С.Н. Булгаков, проживавший в то время в Крыму, в своем дневнике 11 марта 1922 года так описывал ужасы голода: «Иногда зябнет сердце и цепенеет мысль... теперь просто оставаться живым, т.е. ежедневно пить и есть, среди этих умирающих от голода людей есть грех и преступление... То, что ежедневно происходит вокруг, непоправимо и непросто... И как больно, как обидно за человека!» [13]

Несмотря на объективные трудности, обусловленные тяжелым хозяйственным состоянием края, долгое время являвшегося ареной Гражданской войны, до 1 июня 1921 года «военно-революционные» власти полуострова сохраняли продрозверстку. Она взималась по нереальным цифрам задания (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2000000 пудов, кормового зерна 2400000 пудов, объемистого фуража также 2400000 пудов [14]) и вызывала резкий протест крестьянства, вплоть до попыток восстания на Южном берегу [15]. В этой связи важно добавить, что имеются примеры, когда отрядами особых отделов ВЧК помимо разверстки дополнительно взималось продовольствие у крестьян [16].

Наряду с продрозверсткой тяжелейшим образом на положении крестьянства сказывались нерешенность земельного вопроса и запрет частной торговли.

Серьезной проблемой для развития сельского хозяйства стала передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 года оказалась необработанной [17]. Следует отметить, что в то время, когда под

совхозы передали до миллиона десятин земли, примерно 40 % крестьян в Крыму оставались безземельными [18]. Крымский представитель Наркомнаца З. Булушев в своем докладе от 12 мая 1921 года отметил указал на то, что «сотни заложников, батраков и беднейших крестьян заставляют работать в совхозах... Совхозы, являющиеся государственными органами, имеют больше прав для притеснения местного населения, чем бывшие частные владельцы...» [19]. В результате, как явствует из отчета Крымской чрезвычайной комиссии, «беднейшее крестьянство, чаявшее с приходом Советской власти получить в собственность землю, разочаровалось и не поняло нашей земельной политики» [20].

Запрет частной торговли на сельском хозяйстве Крыма сказался особенно тяжело. Хозяйство многих крестьян было ориентировано именно на производство товарной продукции, пользовавшейся спросом на рынке, а товарообмен фактически лишил эту продукцию рынка сбыта. «При существовавшей политике в области товарооборота и государственного регулирования рынка продукты производства Крыма не находили себе сбыта... ввиду запрещения частной торговли. Товарообмен не мог разрешить кризиса», – читаем в отчете Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 год [21].

Характерной особенностью военно-коммунистического режима было также «изъятие излишков». «Изъять все излишки у всего населения, не касаясь беднейшего населения...», – сказано в постановлении президиума Феодосийского уездного ревкома от 22 февраля 1921 года [22]. И.С. Шмелев в эпосе «Солнце мертвых» так описывает процесс «отобрания излишков». Приводя рассказ доктора, он пишет: «Абрикосовое варенье еще стояло... из собственных абрикосов... Четыре банки они этого варенья взяли, все, что было. Все забрали. Старухины юбки, нянькины, – и те взяли... все градусники у меня отобрали...» [23]. И.С. Шмелев приводит также рассказ рыбака: «Всю нашу снасть, дорожки, крючья, баркасы – все забрали, в комитет, под замок. Прикажут: выходи в море! Рабочие сапоги, как на берег сошли, – отбирают!.. В подвал троих посадили, – некуда податься!.. Седьмой месяц и вертимся, затощали. Что выдумали: «Вы, – говорят, – весь город должны кормить, у нас коммуна! Присосались – корми! Белужку как-то закрючили... – выдали по кусочку мыла, а белужку... в Симферополь, главным своим, в подарок!» [24]

Важно отметить, что отобрание властными структурами у производителя необходимых орудий труда подтверждается также архивными документами. Так, в приказе Севастопольского революционного комитета от 16 декабря 1920 года строго предписывалось «все земледельческие машины, орудия и части их, находящиеся ныне в распоряжении ... частных лиц» передать в ведение Севастопольского Совнархоза [25].

Примечательно, что конфискации «излишков» проводились в то время, когда, согласно свидетельству очевидцев, «население жило все впроголодь» (некоторые от недоедания теряли силы), «топлива никакого почти ни у кого не было», «ежедневно в больницы привозили людей с отмороженными руками и ногами, с воспалением легких и т.п.» [26].

Вместе с тем подобное положение дел вовсе не препятствовало стремлению властей улучшить свое собственное материальное положение. Так, в распоряжении коменданту здания Ревкома Филатову от 3 декабря 1920 года содержатся указания о доставке в поезд председателя Крымревкома Бела Куна больших и малых ковров [27]. Начальником Особого отдела Крыма Михельсоном было вывезено 220 пудов яблок [28].

Представитель Наркомнаца в Крыму М.Х. Султан-Галиев в своей докладной записке так характеризовал и оценивал проводившуюся здесь политику «изъятия излишков»: «Одним из неправильных действий Советской власти в Крыму, лишь дезорганизовавших правильную ее постановку, было также так называемое изъятие излишков у буржуазии. Возникнув и начавшись в Центре (Симферополь), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало собой скорее грабеж, чем «изъятие». Отбирали буквально все – оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого «изъятия» в г. Алушке. Все партийные и советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. «Изъятие» производилось вооруженными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны... распределение изъятых вещей произведено также неорганизованно. Например, в Симферополе татарская беднота, несмотря на свою страшную нужду (женщины ходят в мешках, босые и полуголые), абсолютно ничего не получила. А между тем среди татар очень много произведено изъятий излишков, вплоть до подушек и одеял, служащих им вместо мебели» [29]. А.Г. Зарубин и В.Г. Зарубин отмечают, что «военно-коммунистические нравы, запрет на свободное передвижение и товарообмен продолжали довлеть в Крыму по меньшей мере до осени 1921 года, а рецидивы наблюдались и позднее» [30].

Военно-коммунистическая политика не могла не подрывать авторитет власти у большинства населения, не сеять недоверие и зачастую даже ненависть по отношению к руководителям полуострова. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и откровенный произвол со стороны многих представителей Советской власти. Так, при проведении продразверстки наблюдались «бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов» [31]. Наряду с этим «отдельные красноармейские отряды занимались грабежами и никто их от этого не мог остановить» [32]. Согласно рассказу очевидца, «войдя в город (Симферополь – А.И.), солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, что один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, потому что следующий за первым солдат оказывался еще оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т.д... В каждый дом вошел постой красноармейцев. Они располагались всюду как дома, заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества все, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе» [33].

Протицируем также некоторые архивные документы, в полной мере характеризующие крымскую обстановку произвола и беззакония тех дней. В заявлении на имя ректора Таврического университета профессора В.И. Лучицкий и С.П. Попов указывали: «17 сего ноября (1920 года – Авт.) около 1 часа дня в дом № 10 по Спасской улице, в котором мы занимаем комнату, явились трое вооруженных и произвели обыск, заявляя, что ищут оружие. Обыск был произведен и в нашей комнате. После обыска ими были взяты серебряные часы, одна рубашка и карт[а] Крыма, принадлежащая Университету. И взамен взятых серебряных часов ими были оставлены чугуны. В тот же день около 7-ми часов вечера в дом явилось около 7-ми человек вооруженных, которые потребовали, чтобы им открыли двери, заявляя, что они квартиреры. Однако, войдя в дом, они заявили, что пришли искать скрывающихся офицеров и оружие и, угрожая револьверами, произвели тщательный обыск во всем доме. При уходе ими у нас были взяты пальто и брюки, много вещей было взято ими также у других лиц, живущих в доме (женщин)» [34]. Особого внимания заслуживает также жалоба доцента Таврического университета, выдающегося краеведа А.И. Маркевича: «В виду того, что университетская квартира по Архивной улице д. №28 до сих пор не освобождена от постоя и в ней какою то советской частью предназначено даже устроить коммунистическую ячейку, а в одной из комнат устраивать спектакли два раза в неделю, а преподавателей Университета еще более стеснить, покорнейше прошу войти в положение обитателей этой квартиры, лишенных покоя днем и ночью. Особенно страдаю я, так как независимо от беспокойства терплю большие убытки. Солдаты пользуются моими дровами, самоваром, посудой и т.д., а жена должна варить им обед...» [35]. В приказе начальника штаба Керченского укрепрайона Сладкова от 29 декабря 1920 года отмечалось, что «за последнее время ...часто поступают заявления жителей окрестностей гор. Керчи о самовольном захвате у них красноармейцами разных частей фуража и предметов продовольствия... Многие воинские части и отдельные красноармейцы и военморы, оставляя по какому-либо случаю занимаемые ими помещения, позволяют себе самочинно забирать мебель и другие предметы, находящиеся в квартирах» [36]...

Как известно, на смену «военному коммунизму» приходит «новая экономическая политика» – НЭП, изначально рассматривающаяся Лениным и его окружением как тактическая уступка буржуазии. Решение о переходе к НЭПу было принято на X съезде РКП (б) в марте 1921 года, когда значительная часть Советской Республики была охвачена угрожающими режиму антибольшевистскими восстаниями и движениями.

Важно отметить, что, несмотря на некоторый хозяйственный подъем, наблюдавшийся в 1923-1925 годах, уровень благосостояния большей части населения Крыма продолжал оставаться крайне невысоким. Приведем несколько примеров, содержащихся в сводках под грифом «совершенно секретно» Государственного политического управления Крыма за 1925 год. Так, в сводке от 27 июня сообщалось: «Несмотря на принятые в отношении голодающих предупредительные меры в виде выдачи единовременных ссуд и пособий хлебом, отсутствие и недостаток хлеба у крестьян целых деревень продолжает наблюдаться. Ввиду отсутствия запасов в Керченском районе почти в каждой деревне есть несколько голодающих семейств. Выданное райисполкомом пособие в виде 900 пудов муки удовлетворило лишь не более 20 % всех нуждающихся. В Ленинском сельсовете не имеют запасов хлеба до 85 % всех хозяйств. В татарских деревнях выданное пособие так же не удовлетворило потребностей всех нуждающихся, и в данный момент в Джепар-Бердынском сельсовете таких хозяйств насчитывается до 60 %» [37]. В недельной сводке от 13 июля сообщалось о сложном материальном положении горнорабочих Евпаторийского района: «...ставка далеко не соответствует прожиточному минимуму. Так, например, поденные рабочие Промышленной евпаторийской конторы за 17 дней получили по 11 рублей» [38]. В той же сводке указывалось на «критическое материальное положение» грузчиков Феодосийского порта [39]. В сводке от 26 августа указывалось на задержки выплаты заработной платы на Государственной консервной фабрике в Керчи, на заниженные оклады жалования рабочих табачной фабрики «Стамбул» в Феодосии [40].

Заключение. Анализ обширного круга источников позволяет заключить, что Крымский полуостров рассматривался руководством РКП (б) как важная «экспериментальная площадка» для реализации военно-коммунистической политики. Несмотря на неутешительные итоги реализации такой политики, к концу 1920-х в экономике страны вновь начинают доминировать военно-коммунистические принципы, из социального обихода постепенно уходит само понятие «крестьянин», а вместе с ним – нивелируется рачительное, подлинно хозяйское отношение к земле. В конце концов, командно-экстенсивная модель управления сельским хозяйством и, в целом, экономической сферой станет одной из важнейших причин краха СССР в 1991 году.

Источники и литература:

1. История России. С древнейших времен до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др.; под ред. А. Н. Сахарова. – М. : АСТ; Астрель, 2010. – С. 1331-1332.
2. Крымская АССР: 20-е - 30-е годы / гл. ред. И. М. Хворостяный. – К. : Ин-т истории АН УССР, 1989. – С. 2.
3. Колонтаев К. В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. – октябрь 1921 г.) / К. В. Колонтаев // Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10-18 ноября 1995 : материалы. – Симферополь : Крымский Архив, 1995. – С. 61.

4. Ишин А. В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов / А. В. Ишин // Историческое Наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 5. – С. 45-57; Годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб. 42.
5. Там же. Стлб. 41.
6. Колонтаев К. В. Указ. соч. – С. 61.
7. Зарубин А. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – Симферополь : Таврия, 1997. – С. 334.
8. Там же. – С. 342.
9. Мона Ж. Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920-1940 гг.): особенности, трудности, просчеты : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ж. Н. Мона. – Днепропетровск, 1992. – С. 12.
10. Зарубин А. Г. Указ. соч. – С. 334.
11. Там же. – С. 337.
12. Там же. – С. 337.
13. Булгаков С. Ялтинский дневник / С. Булгаков // Крымский архив. – 1999. – № 5. – С. 144-145.
14. Красный Крым. – 1921. – 7 апреля.
15. Зарубин А. Г. Указ. соч. – С. 335.
16. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 35.
17. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь : Таврия, 1990. – Вып. 3. – С. 9.
18. Зарубин А. Г. Указ. соч. – С. 335.
19. Чебанова А. В. Политическая обстановка в Крыму в 1920-е годы / А. В. Чебанова // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 268.
20. Архив ГУ СБУ в Крыму. – Ф. 1. – Оп. 1; Годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб. 11-12.
21. Там же. Стлб. 42.
22. Ревкомы Крыма : сб. документов и материалов / отв. ред. Л. Д. Солодовник. – Симферополь : Крым, 1968. – С. 48.
23. Шмелев И. Солнце мертвых / И. Шмелев // Пути небесные. Избранные произведения. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 50-51.
24. Там же. – С. 116-117.
25. ГА АРК. – Ф. Р-1188. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 50.
26. В Крыму после Врангеля (заметки очевидца) / предисл. и подг. текста В. В. Лаврова, коммент. А. В. Мальгина // Крымский Архив. – 1996. – № 2. – С. 62; Герман Гауфлер. Тревожные дни. Дневник феодосийского гимназиста (апрель 1919 г. – декабрь 1924 г.) / Герман Гауфлер // Крымский альбом 1999 : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / сост., предисл. к публ. Д. А. Лосева. – Феодосия, М. : Коктебель, 2000. – Вып. 4. – С. 223.
27. ГА АРК. – Ф. Р-1188. – Оп. 3. – Д. 70. – Л. 110.
28. ГА АРК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 87.
29. Султан-Галиев М. Х. О положении в Крыму / М. Х. Султан-Галиев; предисл., подг. текста и коммент. С. А. Усова // Крымский Архив. – 1996. – № 2. – С. 88.
30. Зарубин А. Г. Указ. соч. – С. 335.
31. Архив ГУ СБУ в Крыму. – Ф. 1. – Оп. 1; Годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб. 13.
32. Султан-Галиев М. Х. Указ. соч. – С. 87.
33. В Крыму после Врангеля (заметки очевидца). – С. 59.
34. ГА АРК. – Ф. Р-1188. – Оп. 3. – Д. 163. – Л. 25.
35. Там же. – Л. 26.
36. ГА АРК. – Ф. Р-1024. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 86.
37. ГА АРК. – Ф. Р-1108. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 54.
38. Там же. – Л. 59.
39. Там же. – Л. 59.
40. Там же. – Л. 68.